

12+

Дюкин А.И.

Придет время

Айдар Ильдусович Дюкин

Придет время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66583056

SelfPub; 2021

Аннотация

Жизнь слишком коротка, чтобы успеть ею насладиться. И чем больше об этом задумываешься, тем быстрее она проходит. Главный герой рассказа попадает в трудные обстоятельства, из-за которых жить ему остается совсем чуть-чуть. Что он чувствует и что хочет унести с собой?

Айдар Дюкин

Придет время

Тот вечер был особенно чудесный. Легкий осенний ветерок гонял опавшие листья и шевелил волосы. Солнце уже приближалось к горизонту и освещало городской парк теплым рыжим светом. Вдоль асфальтовой дорожки вяло, засыпая, качались молодые кедры и осыпавшиеся клены. По небу плыли черные точки птиц, еще не успевших улететь на зимовку. За ними ползли тяжелые октябрьские облака, уходили вдаль и плавно растворялись в мировом эфире. По-осеннему сонный пейзаж создавал атмосферу спокойствия. Паша открыл глаза.

Чего-то будто не хватало. Казалось, что Паша наблюдает за парком со стороны, не ощущая прохлады, ни даже веса своего тела. В уши будто попала вода, поэтому все звуки казались глухими и неразборчивыми. Паше казалось, что от него осталась только душа, как во сне. А все вокруг – это декорации странного, очень реалистичного театра.

Мальчик стоял на тротуаре, пытаясь понять, что ему делать. Он хотел вспомнить, как он оказался в парке и куда делись его родители. Хаотические вспышки воспоминаний начали появляться в его голове. Утро. Паша с мамой и папой дома. Мама говорит, что папе дали выходной. Манная каша. Таблетки. Мама говорит, что мы все вместе пойдем в

парк. Кот. Мурлычет. Эрвин. Паша начинал вспоминать. В тот день папа отпросился с работы, чтобы сходить с семьей в парк. Мама утром плакала, сказала, что коллега с работы сильно заболел, хотя в то утро маме никто не звонил. Эрвин вел себя как-то странно. Не уходил с колен. А когда Паша попытался его прогнать, Эрвин начинал истерически кричать и прыгал обратно.

Мама с папой в то утро были очень обходительны с Пашей, будто на следующий день он должен был отправиться куда-то далеко и надолго. Папа работал в полиции и никогда не пропускал своей смены ни из-за болезни, ни из-за чего-то еще. Никогда, кроме того утра. Он шагал серьезный по квартире и о чем-то напряженно думал. Но когда на его глаза попался Паша, папин взгляд становился ласковым, и вся серьезность куда-то девалась.

До парка они доехали на машине. Паша давно не ходил гулять с родителями. Папа постоянно был на работе, а у мамы вечно были дела по дому. В городе жизнь шла своим чередом. Никто никуда не торопился. Пожилые люди и женщины с младенцами спокойно гуляли и беседовали друг с другом. Отовсюду шли привычные звуки большого города: лаяние собак, вой сирен, различные крики. На дороге почти не было машин, поэтому до парка добрались быстро. Паша закутался в свой любимый шарфик Гарри Поттера, засунул руки в перчатки и, с нетерпением вздохнув, вышел из автомобиля.

Родители сказали Паше, что пойдут в любое место, которое он захочет. Паша решил первым делом прокатиться на чертовом колесе. Когда кабинка доехала до самого верха, мальчик подумал: «с этого ракурса мир кажется гораздо проще», и если бы он был Богом, ты поселился бы именно наверху. С такой высоты можно было видеть огромный парк, окруженный бетонными домами, грозно нависающими над могуществом леса, в центре которого стоял большущий дуб. А также пруд, занимающий треть парка. На нем плавали несколько лодочек и утки. Это очень увлекло Пашу, и после колеса семья отправилась к воде.

Синюю лодку плавно качали волны. Паша сидел на корме, рядом с мамой, и бросал хлеб уточкам, плывшим позади. Папа аккуратно переставлял весла, заставляя лодку двигаться дальше. Кругом был только лес, окутывающий маленькую беспомощную лодку в свои объятия. Вековые ели и молодые березы плотно теснились друг к другу. Деревья были хозяевами этого места, и людям, как полагается хорошим гостям, следовало вести себя осторожно, с уважением. Паша впервые ощутил себя таким маленьким. Ему даже стало страшно, ведь лес не стоял, а надвигался прямо на лодку, намереваясь ее поглотить...

В парке прошел весь день. Напоследок, вся семья решила просто прогуляться по кедровой аллее. Уже подступала вечерняя прохлада, и Паше начало казаться, что у него ноют ребра. Он сказал об этом маме. В ее глазах сразу появи-

лась тревога. Она срочно отправила отца к машине за лекарствами, а сама позвала Пашу посидеть на скамейке под фонарем, на котором черным маркером было выведено «Лена + Леха = бесконечность». Паша протер перчаткой доски от грязи и сел. Рядом села мама. Она пыталась отвлечь Пашу от боли. Спрашивала, понравился ли ему день, что запомнилось больше всего, куда бы он хотел пойти завтра. Этот план хорошо работал: любой отчаявшийся больной рад слышать вопросы про «завтра» и думать, что оно наступит. А если это не помогает больному, то уж точно помогает тому, кто эти вопросы задает. Иначе быть не может.

Паша охотно отвечал. Он говорил, что больше всего ему понравилось кататься на лодочке, несмотря на страх леса. Ему понравилось, как лодку тихо качает на волнах, как папа плавно поднимает и опускает весла, а Паша с мамой сидят на корме, укутавшись пледом. И что на лодочке бы он с радостью покатался и завтра. Только бы не забыть хлеб для уток. А мама кивала и улыбалась.

«Обязательно сходим. И хлебушка возьмем. Обязательно, сына,» – говорила она. А паша продолжал рассказывать...

Боль в ребрах резко прекратилась. Поначалу Паша обрадовался, однако затем на грудь будто положили тяжеленный камень, и дышать стало невероятно трудно. Он начал задыхаться. Последнее, что Паша помнил, это онемение в ногах, паника, затем сильная слабость и – дрожащие губы мамы, ее мокрые глаза...

Паша стоял посреди кедровой аллеи. Позади него, на скамейке, кричала его мама, трясла руками какое-то детское тело. Догадаться о том, что она кричала, можно было лишь по широко открытому рту, ведь все звуки куда-то пропали. К скамейке бесшумно бежали встревоженные и испуганные люди, пробегали мимо Паши, совсем его не замечая. Он попытался позвать маму, но слова застряли где-то в горле. Паше ничего не оставалось, кроме как просто глядеть на происходящее. Какой-то человек в пальто и шапке с помпоном, примчавшийся от ларька с кофе, положил тело на землю и начал обеими руками давить на грудь. Рядом незнакомые женщины обнимали и успокаивали маму.

«Наверно, какой-то мальчик потерял сознание, и мама сильно испугалась,» – подумал Паша. Ему все еще было непонятно, почему ни один человек даже краем глаза не зацепился за него, будто Паша надел плащ-невидимку, – «с другой стороны, теперь я могу бесплатно ездить на трамвае – меня попросту никто не увидит». Паша представлял себе плюсы и минусы невидимой жизни, пока что-то его не отвлекло.

Рядом со скамейкой, ровно по середине аллеи, стоял мужчина в черном плаще до самых пяток. Он был похож на нацистского генерала и постоянно поглядывал на наручные часы. Но необычного в нем было то, что каждый раз после того, как он сверял время, он очень пристально смотрел прямо на Пашу – ровно в глаза. Он был единственный кто видел

мальчика в плаще-невидимке. Паша напрягся и попятился. Ему не хотелось знать, чего желает этот мужчина от ребенка, тем более, когда рядом случилось такое горе. Человек в плаще все так же сверлил глазами испуганного Пашу, время от времени поглядывая на часы. Паше стало совсем жутко. Он развернулся и собрался бежать от странного человека, но тут в его голове раздался голос:

– Тебе некуда бежать, Паш.

Ноги Паши вросли в землю от изумления. Он был уверен, что говорит с ним именно тот человек. Его голос будто разрезал пространство, будто всегда был в пашиной голове. Страх прошел. Появилось желание подчиняться этому мужчине. Паша повернулся лицом к скамейке и сам уставился на человека в плаще. В это время люди все так же бесшумно отошли от тела ребенка и встали вокруг него, снимая шапки, а мама сидела коленями на асфальте, положив голову на грудь мальчика.

– Не узнаешь его? – спросил голос, теперь уже исходивший из уст мужчины с часами.

Паша смутился. Откуда он должен знать мальчика, случайно гулявшего в парке. Самым примечательным в нем была куртка, один в один похожа на куртку Паши. И шарф, завязанный на два оборота вокруг шеи. Эти совпадения заставили Пашу подойти поближе к скамейке и посмотреть мальчику на лицо. Однако вместо лица расплывалось какое-то пятно, будто глаза не могли сфокусироваться, хотя лица ма-

мы и человека в плаще были достаточно четкими.

– Не пугайся. Этот мальчик – это ты. Его лицо – это твое лицо, и оно уже покинуло тело, – сказал человек с часами, будто прочитав мысли парня, и снова сверил время.

Паша очень легко поверил в это, и все казалось ему логичным. «Лица на мальчике нет, значит, мое лицо это и его лицо тоже – все верно».

– Тогда почему мне не дали его руки? Зачем мне нужно одно лицо? – Паша постарался сжать ладони в кулаки или хотя бы согнуть пальцы, но ничего не почувствовал.

– Они тебе больше не понадобятся, приятель. Ты еще не понял, где ты оказался? – Мужчина нахмурил брови и скрестил руки.

– Кажется, понял. Вы отведете меня домой? Или на лодку. Кажется, я забыл там свои перчатки.

– Нет, Павел. Не совсем. Ты умер, и теперь твоя душа отправляется на вечный покой, – сказал человек с такой интонацией, с которой разве что можно было обсуждать победителей выставки собак.

Новость очень удивила Пашу, но он ей непременно поверил и даже медленно закивал головой. Поначалу все казалось какой-то выдумкой. Как же можно умереть на ровном месте? Вот он сидел довольный, вспоминал про лодочку и уток, строил планы – и умер. С самого рождения у Паши был порок сердца, поэтому в целом он понимал, что рано или поздно должен был умереть. Отчасти ему даже было любо-

пытно. Бывало, что перед сном Паша представлял себе самую смерть: его предупредят о скорой гибели, он поцелует маму и папу и пойдет за женщиной в черном пиджаке и с мешочком конфет. Однако, когда пришла смерть (или же стоит говорить о нем «пришел»), Паша ее не узнал.

– Я понял, – вскрикнул Паша почти радостно, – я знал, что Вы придете. Куда мы пойдём теперь?

– У нас ещё есть время. Мы можем пройтись по парку, поговорить, я отвечу на твои вопросы. Сегодня суббота, не праздник, покойников мало. Считай, что тебе повезло – как минимум на полчаса я весь твой. Потом я отведу тебя к алтарю, и ты простишься с этим миром.

– А попрощаться? Я ещё не поцеловал родителей, – Паша был в недоумении. Нельзя так резко отрывать человека от его семьи. Это слишком жестоко даже для смерти.

– Не переживай, Паша. Там, где ты будешь, это уже не имеет никакого значения. Главное, что ты ушёл в мире с близкими. Позволь рассказать тебе историю. Но для начала выйдем на поляну. Через 17 минут по моим часам будет восхитительный закат.

После этих слов человек двинулся от скамейки, на которой прибежавший папа успокаивал трясущуюся маму и старался сам плакать как можно меньше, в сторону поляны для пикника с хорошим видом на пруд и уток. Мистер-смерть шел прогулочным шагом, задирая голову, чтобы посмотреть на облака, все так же спокойно плывущие к горизонту.

– Все-таки красиво тут, да? – вдруг спросил он. – Огромные тучи мчатся к своему концу, чтобы растаять и дать жизнь новым тучам. Никакого смысла и назначения. Все до безумия просто. Умри, чтобы дать дорогу другим, чтобы все повторилось.

Паша не понимал, о чем говорил человек-смерть, но чувствовал, что ему можно доверять и вникал в каждое слово. Солнце уже и правда почти село, но все еще освещало верхушки кедров рыжим пламенем.

– Я хотел рассказать тебе историю. Конечно, если тебе интересно. – Паша осторожно кивнул. – Тогда слушай. Совсем недавно – лет 10 назад – был случай. Одна девочка очень тяжело переносила ссоры с родителями. Почти каждый день ее ругали за невыученные уроки и плохие оценки, к тому же у нее накопилась куча подростковых проблем, отчего она твердо решила, что уйдет из дома. Однажды майским вечером она взяла самые необходимые вещи, достала деньги из папиного кошелька и купила автобусный билет в соседний город. Она была очень уверена в своих делах и нисколько не сомневалась. В голове этой девочки крутилась одна мысль: «если жизнь бывает только такая: ссоры, предательства, боль – тогда зачем эта жизнь вообще нужна?». К сожалению, так вышло, что в другом городе ее изнасиловали и убили. Было много шума и разбирательств, но жизнь девочке вернуть судами, увы, не получилось. Когда я забирал ее с собой, она рыдала и умоляла меня оставить ее на земле, отвезти к ро-

дителям, дать ей второй шанс. Конечно, у вселенной вторых шансов не бывает, но понимают это далеко не все. Вот и девочка эта не понимала. Родители девочки винят себя до сих пор, и ее приведение – частый гость в их доме. Кто же в этом виноват? Тяжело сказать даже мне. Порой людям нужно умереть для того, чтобы полюбить жизнь по-настоящему. Только вот любовь эта уже бесполезна... А тебе очень повезло. Твои родители успели с тобой попрощаться, и жизнь твоя была счастливой.

Паше стало очень обидно за девочку, но в то же время радостно, что они с родителями почти никогда не спорили. Даже когда Паша порвал новые штаны на стадионе или когда подрался с одноклассником из-за новенькой девочки, мама не повышала тон, а сердито объяснила Паше, в чем он провинился. Папа не ругал сына никогда. Наоборот – он принимал его сторону. После любых ссор все вместе шли гулять или смотреть кино, правда, до конца досматривал только Паша, стараясь не обращать внимание на храп и сопение родителей, раздражавшее тогда, но такое желаемое сейчас.

Вдруг на Пашу нахлынула сильная горечь.

– Я еще когда-нибудь увижу их? – Паша обернулся на скамейку и быстро, пока никто не заметил, утер подступившие слезы.

– Ты веришь в Бога, Паша? – неожиданно спросил человек. Паша не понял, как этот вопрос относится к его родителям, но решил не переспрашивать и согласно кивнул. – То-

гда увидишь. Увидишь, когда придет время. Ты только хорошо представь себе эту встречу и запомни.

Паша изо всех сил напряг воображение. Наверно, он придет домой. Когда-нибудь. Он зайдет в подъезд, поднимется на лифте и откроет дверь. Дома будет пахнуть блинами и вареньем, а квартиру будет заливать золотой солнечный свет. Мама и папа с кружкой чая подойдут в прихожую встречать Пашу, поцелуют его, и все вместе они пойдут пить чай с блинами. А Эрвин как всегда будет сидеть на табурете у стола и ждать своего кусочка. Папа будет на него ругаться, но все равно поделится с ним своим блином. Так все и будет.

На душе стало немного легче от грядущей встречи, и Паша с надеждой в голосе произнес:

– Готово! Так когда же придет время?

– Когда ты уйдешь из этого мира. Ты думаешь, почему я спросил про Бога? – Паша не понимал. – Наверное, ты когда-нибудь задумывался о том, что с тобой станет после смерти. Наверное, ты даже представлял себе Бога. Возможно, он говорил тебе, какой ты хороший, и что ты непременно отправишься в рай. В реальности все немного иначе. Когда ты зайдешь в алтарь, твое сознание растворится. Оно станет свободным. Ты сможешь вообразить себе то, что ты захочешь: яхты, деньги, родителей, конфеты – все, что ты можешь назвать раем. И когда твой рай наступит, ты не отличишь его от реальности, потому что твое сознание больше не привязано к этому миру. Сейчас тебе трудно это понять, –

человек обернулся на Пашу, а затем задумчиво произнес, – Бог, может быть, существует там. Может быть, не существует нигде. Точно ответить я не могу. Если Бог существовал когда-то, сейчас он уже бесполезен. Но все-таки замечу: зная, что тебя кто-то ждет после этой жизни, уходить гораздо легче.

– Значит, увижу я их только в своей голове? Но тогда они не увидят меня и будут сильно скучать, – в горле Паши начал собираться ком, – им придется выкинуть мою одежду и переделать комнату, и еще... – после этих слов губы мальчика начали дергаться, а глаза живо наполняться водой, и говорить было уже невозможно.

– Не переживай, мой юный друг. Они будут помнить тебя всегда. И комнату твою разбирать они не станут. Придет их время, я передам им привет от тебя, а потом они встретятся с тобой точно так же, как ты вскоре встретишься с ними.

Аллея вдруг кончилась, и перед Пашей открылся большой луг. На нем люди кидали диски собакам, рассказывали анекдоты друг другу, кормили детей, смеялись и совсем не думали об идущей рядом Смерти. Может, потому что они ее не видели. А может потому, что научились о ней забывать. В любом случае, им было хорошо, они жили.

Паша и Смерть сели на холмик перед прудом. Совсем недалеко дети играли в догонялки и громко кричали, когда кто-то из них ловил товарища, хотя Паша этого не слышал. Солнечные блики отражались от волн на пруду и падали на

ели многочисленными золотыми пятнами. Утки уже улетели. На дальнем берегу гармонично покачивались 3 лодки. Одна из них – синяя – несколько часов назад катала Пашу по воде, живого, счастливого.

– Не желаешь что-нибудь спросить? Обычно, когда люди попадают ко мне, они все время разговаривают то ли от страха, то ли от любопытства. Все пытаются выведать у меня тайны вселенной. А тебе ничего не интересно?

– Наверно, я еще слишком молодой, чтобы спрашивать о вселенной, – Паша вдруг понял, что тут неуместно слово «еще», ведь он уже никогда не повзрослеет. – Хотя у меня есть один вопрос. Почему эта вселенная решила забрать именно меня? Может, я хотел стать взрослым и мудрым, как мои родители. Чем я кому-то помешал?

– Я не думаю, что тебе бы понравилось быть взрослым. Взрослые – это не только те, кто ездят на машинах и работают в офисах. Чем старше человек становится, тем хуже кажется ему жизнь, тем больше проблем он замечает в ней. Дети живут, не задумываясь, кто они такие или в чем Великий замысел. Они задают те вопросы, на которые есть ответ. От этого их жизнь гораздо проще. А если в голове человека появляется такой вопрос, на который не может ответить никто – этот человек повзрослел, – Паша прикинул в голове некоторые вопросы, мучавшие его последнее время. Например, почему девочкам можно ходить во всем мужском, а мальчикам в женском – нет. Или почему, если Земля круглая, вся

вода не скатывается вниз, как в гигантском аквариуме. Паша не знал, существуют ли ответы на эти вопросы, поэтому не мог сказать, взрослый он или нет.

Вдруг прямо перед Пашей приземлился воздушный змей. К нему подбежал мальчик лет восьми, поднял, отряхнул и побежал дальше – к своим друзьям. Он был такой радостный и увлеченный игрой. Паше тоже захотелось ощутить ветер и поиграть в футбол. На душе опять собирался черный ком печали и скорби. Видимо, Человек-смерть это заметил. Он сказал неожиданно ласковым голосом, чем-то напоминающим голос мамы:

– Не расстраивайся, Паш. Там, куда ты идешь, твоя душа будет в полном умиротворении.

Паша шмыгнул носом и глубоко вздохнул, пытаясь себя утешить. Он уже чувствовал доверие к Смерти и совсем не боялся спрашивать ее о всем, что его волнует.

– А они тоже умрут, да? – Паша кивнул на детей. Он знал, какой ответ получит, но небольшая частичка надежды все же заставила его спросить.

– Да, Паш. Так работает Вселенная.

Подул легкий ветерок и унес опавшие листья к пруду.

– Тогда зачем они вообще живут? – Паша вдруг понял, что он резко повзрослел, поскольку знал, что никто, кроме самой Смерти, не сможет ответить на такой взрослый и серьезный вопрос.

– Ну что ж... Думаю, ты сможешь это понять, – мужчи-

на собрался с мыслями и сделал глубокий вдох, – мои слова могут показаться тебе ужасными. Скорее всего они тебе не понравятся. Но уж лучше горькая правда, чем приторная ложь. Дело в том, что все вы, как, наверно, и я – большая случайность. Что-то непонятное запустило процессы рождения Вселенной 14 миллиардов лет назад. Последствием этих процессов являешься ты, твои друзья, родители – жизнь в целом. У человечества нет глобальной цели. Жизнь как бродячий кот, поселившийся в подъезде: его никто не звал, она сам зашел в открытую дверь. А выгонять его жалко, ведь иногда с ним бывает весело.

От этих слов Паше и правда стало не по себе. Значит все, что он когда-либо делал было лишено смысла. Но такого быть категорически не могло! Каждое утро Паша просыпался ради чего-то. Ради себя, ради мамы с папой, ради школы или хотя бы ради самого факта просыпания. Как же так могло оказаться, что на самом деле он вставал по утрам просто так, бессмысленно? Об этом мальчик спросил Смерть.

– Все верно, Павел. Каждый ищет в этой каше свой смысл. Может, какой-нибудь мальчик мечтает о том, чтобы его творения читали и не забывали его после смерти. В этом он видит свой смысл. Какая-то девочка мечтает зарабатывать много денег и жить в Милане. Это ее смысл. Те люди, у которых нет смысла, не живут долго. Бессмысленность сама по себе очень страшная вещь, и жить с ней невозможно. Поэтому большие умы придумали цель и для человечества. заключа-

ется она в постижении всех законов Вселенной. Причем мне кажется, она не достижима, – шепотом добавила Смерть, – но это идет им же на пользу. Вероятно, эти умы поняли все уже давным-давно и оказали огромную услугу человечеству. Об этом, к сожалению, знать я не могу, ведь я всего лишь проводник.

Солнце уже почти скрылось за верхушками кедров. Еще чуть-чуть и наступит ночь. Дети уже не бегали. Половина из них разошлись по домам. Остальная половина – спокойно сидели на лавочках со своими родителями. Лодочки, теперь уже едва видимые в тени, перестали качаться. Облака навалились на Земной шар плотной массой, и мир будто замер в тревожном ожидании грядущей ночи.

– Ну, пожалуй, нам пора.

От этих слов сердце Паши (если оно было на месте) болезненно сжалось. Он понял, что не готов расстаться с этим миром, какой покой бы его не ожидал на той стороне. Те 10 лет, что он был на земле, казались ничтожно малым сроком. Всего 10 лет. Он с жадностью стал перебирать в голове все запоминающиеся моменты. Однажды, папа увез Пашу вместо садика к себе на работу. От мамы им тогда сильно попало, но день был потрясающий. Или как-то раз незнакомый человек подарил Паше и его другу коробочку эклеров – самых вкусных на земле. А еще Паша вспомнил летнюю ночь в лесу. Под открытым небом. И серебряные звезды – такие милые и красивые. Как бы он хотел пережить все это вновь.

Как бы ему хотелось обнять сейчас маму с папой и просто сказать им, что он их любит! Но он не мог... Последние минуты жизни подходили к концу.

Паша заплакал. Та боль, которую он испытывал, была неопишуема. Как же он любил эту планету и каждого человека на ней. Но понял это слишком поздно. Он не успел в полной мере насладиться всем этим. Все время его внимание было приковано к чему-то неживому. Если бы он только почаще смотрел на небо, на лица прохожих...

Когда шли по аллее, Смерть положил правую руку Паше на плечо, подбадривая. На скамейке уже никого не было. Один лишь полосатый шарфик как у Гарри Поттера висел на спинке. Его Паше подарила тетя на Новый год.

До Дуба шли молча. Паша вспоминал счастливые моменты своей жизни, а Смерть не отвлекал его, имея опыт в этом деле. Кедровые ветви склонились над ними, будто провожая Пашу в последний путь. На небе начали появляться первые звезды. Может быть, на одну из них Паша сейчас и полетит. Кто его знает...

Наконец, пара дошла до огромного Дуба, в центре которого, как дупло, зияла огромная черная пустота – алтарь.

– Вот мы и на месте, – Смерть понимающе закивал головой, глядя на поникший вид мальчика.

Паша в последний раз осмотрелся. Мир снова ожил. Ветер снова стал колыхать верхушки деревьев. В дальних уголках парка зажглись фонари. Там, куда свет не доходил, си-

дели, прижавшись друг к другу, влюбленные парочки. Все у них впереди. Любовь – это их смысл. А может, любовь – это смысл всего вокруг. Мир, оставшийся без любви, не мог бы назваться миром. А в прочем, это уже неважно.

Паша обнял Смерть, вытер слезы и вошел в алтарь. Там он увидел все, что ему хотелось увидеть. А мир жил дальше...